

Юрий Ненев

Он, она и Троцкий

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Ненев

Он, она и Троцкий

«Автор»

2026

Ненев Ю. В.

Он, она и Троцкий / Ю. В. Ненев — «Автор», 2026

Начало девяностых годов, Россия. "Старая жизнь" закончилась, но "новая" ещё не началась. Молодая журналистка и общественная активистка оказывается втянута в жестокую политическую игру без всяких правил и представлений о законности. Девушке уготована участь жертвы в угоду амбициям воротил нового политического мира. От нее отворачиваются друзья и родственники. Кто же может помочь в такой ситуации? Разве что только талантливый адвокат. Но что если отношения адвоката и подзащитной перерастают в нечто большее?

© Ненев Ю. В., 2026

© Автор, 2026

Юрий Ненев

Он, она и Троцкий

Глава 1

Утро стояло солнечное, но в то же время холодное. Евгения нервно курила, ее руки немного зябли от холода. Отшвырнув окурочек, она заложила холодные кисти рук в карманы утепленной джинсовой куртки, продолжая поджидать товарищей. Тем временем, на Площадь Мужества прибывали все новые и новые группки людей, теснясь в дверях одноименной станции метро. Их условно можно было разделить на две большие, примерно равные по количеству группы. Первая категория – это ветераны Великой Отечественной Войны и люди, заставшие блокаду Ленинграда. 9 мая – каждый год свидетели тех непростых лет в истории города и страны собирались на проспектах и площадях, торжественно надев на себя ордена и медали, держа в руках по букету цветов. Пожалуй, в истории Ленинграда, который недавно снова стал Санкт-Петербургом, не было более значительной и героической страницы, чем события первой половины сороковых годов. Оттого празднование Победы, которая свершилась не так уж давно – сорок восемь лет назад, воспринималось как нечто близкое, едва ли не события прошлой недели или месяца.

Вторую, не менее многочисленную группу, составляли активисты социалистических организаций и общественных движений, а также равнодушные горожане. Именно к этой, второй категории, относилась Евгения Казарская, в журналистских кругах больше известная под псевдонимом Евгения Арманд. Для своей эпохи она была девушкой необычной: несмотря на Перестройку, огульную критику социализма и всеобщего неверия в идеи Маркса, Энгельса и Ленина, она была рьяной последовательной коммунисткой, убежденной сторонницей идей марксизма ленинизма. Однако, свою партийную жизнь девушка начала не в советские годы, а после крушения СССР. Еще в годы учебы на журфаке, она зарекомендовала себя как пламенную комсомолку, отчего сокурсники и преподаватели, давно охладевшие к красной идее, смотрели на нее несколько странно, считали чудачкой. Окончив институт в 1987 году, она также продолжила свою работу в комсомольской организации Ленинграда. Вообще Евгения, которая отчетливо видела неумолимый процесс распада и увядания партии и смежных организаций, уяснила для себя, что возрождение одряхлевшего «авангарда» можно добиться, ведя пропагандистскую и социальную работу среди молодежи. ВЛКСМ к тому времени тоже выродился: Евгении было тесно среди тех, кто еще пока называл себя комсомольцами, но внутренне уже совсем переродились, но она до последнего надеялась на грядущее возрождение погибающего советского государства. До вступления в ряды КПСС, где она себя отчетливо видела в будущем, оставалось всего два года, когда произошло то, что кардинально изменило ее жизнь: август 1991-го ...

В те судьбоносные дни, здесь, на Площади Мужества собрался громадный митинг демократической общественности. Выкрикивали лозунги, распевали под гитары бахвальные песни, размахивали бело-сине-красными триколорами. Собравшиеся огульно проклинали организаторов ГКЧП, которые пытались спасти великую державу от падения в пропасть. Этот митинг проходил под объективами множества журналистов, попал в газеты и видеорепортажи новостных агентств всех стран мира. Именно так эти события и освещались в последствии: якобы советский народ отвернулся от группки заговорщиков, твердо выбрав путь обновления и демократии. Но ровно в эти дни проходили и другие митинги, про которые не принято говорить, и о них нельзя вспоминать. Куда более громадные массы советского народа интуитивно понимали, что ГКЧП – это последний шанс, неудача которого откроет ворота бездны и тьмы, куда провалится одна шестая часть света. За сохранение СССР, за возрождение социализма выступали рабочие коллективы заводов, трудовые объединения различных отраслей народного хозяйства,

профсоюзы, союзы ветеранов. Такие митинги проходили по всей стране, в том числе и в Ленинграде, и собрали куда больше сторонников, чем крикливая свора с Площади Мужества. Все они твердо выражали поддержку ГКЧП, формировали рабочие дружины, неустанно предлагали помощь комитету.

Именно тогда, ленинградцы впервые для себя открыли Евгению Арманд, как она представлялась. Молодая журналистка из Лениздата: черноволосая, пострижена «каскадом», в старомодных очках с роговой оправой, растянута кардигане с комсомольским значком, в затасканных джинсах-варенках и стоптанных кроссовках. Евгения выступала на митинге у крейсера Авроры, на Площади Пролетарской Диктатуры перед Смольным, на Московской площади, у памятника Ленину на Финляндском вокзале. Имея образование журналистки, поставленную речь и голос, она стала глашатаем коммунистического движения Ленинграда. Взбравшуюся на импровизированные трибуны с задором большевички эпохи 17-го года, скандирующую воззвания к народу и цитаты советских классиков – такой запомнили Евгению жители северной столицы.

Однако, восемь человек, предпринявших попытку спасти СССР, действовали по старинке, как привыкли, невзирая на объективно изменившуюся реальность. Таким образом, люди, сконцентрировавшие в своих руках все рычаги управления государством, этот шанс упустили. Митинги в поддержку ГКЧП не получили должной информационной поддержки, рабочие дружины так и не были сформированы, а помощь простых граждан была попросту отвергнута. Косность, келейность, страх перед решительными действиями привели ГКЧП и все советское государство к краху.

Затем запрет КПСС и ликвидация комсомольской организации. Теперь Евгения оказалась выброшенной из жизни. Несмотря на это, она продолжала борьбу: была одним из организаторов забастовки сотрудников Лениздата, освещала забастовку работников следственных органов осенью 1991 года, активно выступала против идей люстрации государственных учреждений и предприятий от тех, кто имел какое-либо отношение к уничтоженной КПСС и комсомолу. Не обошло ее и участие в пикетах и митингах против переименования Ленинграда. В 1992-ом году Евгения, зарекомендовавшая себя в левых кругах, примкнула к одной из организаций, состоявших из последовательных идейных коммунистов.

Межрегиональное Объединение Коммунистов, объявившее себя наследником коммунистической партии Советского Союза и РСФСР в это 9-е мая обладало одним из самых крупных представительств на этом митинге. Евгения, которая состояла в МОК, поджидала на площади остальных товарищей. Первым к ней подошел Александр Блохин – молодой человек лет тридцати, одетый на большевистский манер: в кожаную куртку и шапку-буденовку. Через плечо у него был перекинут ремень командирского планшета.

– Смотри, Женя: шакалы тоже собираются потихоньку. Значит, что-нибудь устроят сегодня. – пояснил Блохин, показывая подруге на постепенно скапливающихся возле станции метро участников альтернативного митинга, которые несли с собой бело-сине-красные и чёрно-желто-белые триколоры. Параллельно за всем происходящим на площади и близлежащей территории наблюдали многочисленные милицейские патрули. Стражи порядка, казалось, были безучастны ко всему: за последние годы они настолько привыкли к бесконечным митингам, пикетам и шествиям, что относились к этому вполне равнодушно, как к служебной необходимости.

Вскоре к Блохину и Казарской подошла еще одна девушка: немного полноватая, с грубоватым мясистым лицом, одетая в старое пальто – Софья Сафронова. Она также была членом ленинградской секции МОК, и всякий раз посещала подобные мероприятия. Свалив на газон тяжелый рюкзак, она тяжело вздохнула, вытерла пот со лба и отошла в сторонку. Между Евгенией и Софьей были натянутые отношения. Последняя некоторое время встречалась с Блохи-

ным, но их отношения не развились в нечто большее: во-многом, причиной тому была Евгения – новая пассия Блохина.

Межрегиональное Объединение Коммунистов было организацией довольно рыхлой, вобравшей в себя даже не столько последовательных коммунистов, ратовавших за возрождение СССР, а сколько отчаявшихся и морально разбитых национальным унижением, обнищанием, глухотой властей к бедам простых граждан. Трудности положения усугублял тот факт, что многие ячейки МОК по всей России уже объединились в единую обновленную партию – КПРФ, другие пробовали организовывать партии схожие по идеологии, но поменьше. Так в ленинградской ячейке возник раскол: кто-то ушел в КПРФ, но некоторые во главе Снегиревым, все еще держались особняком, играя в подковерные политические игры. Даже четкой идеологии у МОК не было: коммунисты еще не пришли в себя после событий 1991-года, и продолжали находиться в прострации. Внутренние трения, в частности, сводились к вопросу о преемственности – одни были продолжателями традиций КПСС, другие утверждали, что новая социалистическая революция уже не сможет охватить весь бывший СССР: теперь нужно удвоить усилия на возрождение РСФСР. Не пришли в МОК также к консенсусу по поводу личности многих советских политических деятелей. Все еще велись жаркие споры о роли Сталина в истории Советского государства и партии: одни горячо выступали за реабилитацию личности вождя народов, другие же по лекалам позднего СССР продолжали клеймить Сталина, обвиняя его в узурпации власти, пренебрежение партией и установление полурелигиозного культа личности. Были так же те, кто считал, что за возрождением имя Сталина, нужно реабилитировать вождя мировой революции Троцкого. Именно к этой группе, выступавшей одновременно и за Сталина, и за Троцкого, относилась Евгения.

Гибель исполинской КПСС и последующая неопределенность в рядах МОК расчистили природную нишу для ряда других специфических левых движений, которые также готовились принять участие в мероприятиях на Пискаревском кладбище.

Помимо МОКовцев и делегации КПРФ, самым большим представительством обладала «Трудовая Россия»: громкоголосые, рьяные, решительные. Они эклектично соединили в себе державность сталинизма, ленинский дух троцкизма, революционную романтику геваристов, смелость и безапелляционность маоистов времен китайской культурной революции, одоблив пафосом алертности чернорубашечников Муссолини.

Отдельной кучкой толпились у вестибюля метро сталинисты из «Всесоюзной Коммунистической Партии» с красными повязками на руках и в рабочих кепках. Многие из них носили элементы военной униформы. Немного поодаль от них представители «Социалистической Рабочей Партии» – троцкисты, уже выстраивающиеся в шеренги под знаменами с изображением цифры «4», в которую вплетены серп и молот. Этот символ означал принадлежность к Четвёртому интернационалу – международному объединению троцкистов или как они себя называли «марксисты-ленинцы-интернационалисты».

«Великодержавники» сталинисты и «космополиты» троцкисты взаимно ненавидели друг друга, поэтому объединить их под крышей МОК было делом крайне тяжелым, а то и почти невозможным. Однако, несмотря на их противоречия, сталинисты и троцкисты имели ряд общих черт. По сути, это «кроты», как выражались при СССР в кабинетах КГБ: эти, казалось бы, отжившие свое исторические фракции коммунистов, про которых к 70м-80м годам почти что напрочь забыли, тем не менее, всегда существовали в недрах партийных и комсомольских организаций, старательно мимикрируя под партийцев разлива «развитого социализма». Деидеологизация государства, устранение давления со стороны органов госбезопасности, а также печатный бум Перестройки сделали свое дело: «кроты», десятилетиями зарывавшиеся в своих потайных «норах», вышли наружу, обескуражив всех и вся. Но даже не столько сам факт существования сталинистов и троцкистов на рубеже 80-90х был шоком для общественности. Эти движения оказались довольно многочисленными, имеющими такие хитрые потай-

ные сети, что даже, казалось бы, всесильная Лубянка, так и не смогла их распутать. И вот на дворе 1993й год: бледные призраки – сталинисты и троцкисты живее всех живых, они обрели кровь и плоть, рекрутируют все новые и новые когорты сторонников, отвоевывая позиции у МОК, пропахшего нафталином эпохи застоя. А где КГБ, которое охотилось за «кротами»? «Кроты» пережили и СССР и КГБ.

Важным козырем сталинистов и троцкистов служил исторический итог СССР и КПСС. При жизни советского государства, представители этих коммунистических течений всячески критиковали легальные государственные и партийные структуры. Сталинисты утверждали, что «ревизионистский курс», взятый после XX съезда партии в 1956 году, в конечном счете обуржуазит советский строй и советских людей, что далее приведет к демонтажу социализма. Троцкисты в своей критике шли еще дальше: они обвиняли сталинистов в том, что они превратили партию в новый эксплуататорский класс, и принялись строить государственный капитализм под красной вывеской. Таким образом, советское государство выродилось еще при жизни Сталина, что было началом. А дальше последует логический конец «деформированного» рабочего государства – крах квазисоциализма. Как бы ни спорили и какие бы формулы не выводили сталинисты и троцкисты, к началу 90х годов их мрачные прогнозы оправдались. Получалось, что и те и другие, несмотря на противоречия, оказались правы. Именно этот фактор исторического провидения, некой прозорливости, ореол пророков сделали сталинистам и троцкистам отличную рекламу.

К митингу в честь 9-го мая готовились еще два типа левых, пожалуй, самых экзотичных и самых малочисленных. Под красно-малиновыми флагами, в центре которых был белый круг с изображением черных силуэтов серпа и молота, собирались активисты «С.С.С.Р» – Свободного Союза Социалистов-Революционеров. Эта публика, одетая в кожаные куртки-бомберы, косухи, обвешанные цепями, с повязанными на лбы банданами, представляли эклектично созданную сборную солянку, в которой причудливым образом смешались идеи народовольцев и эсеров времен царизма, панк-культуры, православного активизма, русского национализма под соусом эстетики панка, воинственного сталинизма, элегантного фашизма Муссолини и колючего холодка штурмовиков-коричнерубашечников. Из всех остальных они были самые крикливые и самые задиристые. При их появлении даже оживились равнодушные ко всему милиционеры.

Замыкали это собрание делегаты самой малочисленной, самой странной и непонятной фракции левых сил: социал-демократы. О них можно сказать, что таковые в принципе существуют, а кто это такие и что хотят – вопрос вечный, как вопрос о том, что такое любовь. Впрочем, так социал-демократов воспринимает простой народ: то ли коммунисты, продавшиеся демократам, то ли какие-то странные демократы, почему-то мечтающие жить при социализме? Кто-то даже слышал, что социал-демократы – это продолжатели идей унылых и скучных политических импотентов «меньшевиков». Некоторые даже вспоминают, что последний генсек СССР Горбачёв не раз называл себя социал-демократом, а Перестройку затеял потому, что считал марксизм-ленинизм утопией, вместо которой навязывал ту самую социал-демократию. Какие-то политические импотенты – меньшевики и ненавидимый всеми Горбачёв, бесславно окончивший свое правление: обычный гражданин только поморщит нос – раз социал-демократы такие, то зачем социал-демократия нам тогда вообще нужна?

Поэтому помимо того, что социал-демократы были самой странной и самой малочисленной фракцией левых, ко всему прочему и еще самой невезучей. Если у коммунистов марксистско-ленинского разлива и у национал-коммунистов были миллионы последователей, то социал-демократия – это только сами социал-демократы: такими вот унылыми, непонятными, потерянными стояли они небольшой группкой, в которой были только они сами и никаких там сочувствующих. Даже знамена у них непривлекательные, незапоминающиеся: белая рука, сжимающая красную розу... то ли дело крикливые флаги с пятиконечными звездами, золо-

тыми серпами и молотами, портретами вождей. Знамена, гербы и флаги – фетиш коммунистов, поэтому они довели ремесло создания символики до высокого искусства. Это как копье вождя, украшенное бунчуком, как индейская шапка из цветных перьев, боевое знамя, орёл римского легиона, древнерусский Спас Нерукотворный, рыцарский штандарт. У социал-демократов ничего подобного не было.

Людей на площади становилось все больше. Вот прибыли мотоциклисты «С.С.С.Р.», напротив них тоже байкеры, но совершенно иного рода – бритоголовые, в укороченных кожаных куртках, берцах с белыми шнурками. Эти боевитые ребята прибыли на альтернативный митинг демократов, но сами таковыми отнюдь не были. Неофашистов-скинхедов с демократами объединяло одно: ненависть к коммунистам и всему сколько-нибудь советскому. Демократов фашисты тоже ненавидели, видя в них мягкотелость, вырожденчество, бюрократизм, неумение и нежелание принимать непростые решения. К тому же ультраправые в каждом демократе видели или еврея или гомосексуалиста, иногда в одном и том же демократе неофашисты усматривали оба «порока». Но приходилось терпеть, еле сдерживая себя, чтобы не размозжить голову кастетом какому-нибудь адепту «новой свободной России», или нервно теребить в кармане раскладной нож, представляя как его лезвие входит в плоть демократа с семитскими чертами лица. Вот так, преодолевая себя, неофашисты ублажали себя мечтами, что им подвернется шанс проделать это все со своими главными оппонентами – левыми, или «леваками», как они их называли. И в этот раз скинхеды были готовы к акции: они представляли грозную силу, с которой толком не боролись, лишь слегка журуя. Потому милицейские патрули у Площади, досматривали только левых, к скинхедам же сунуться боялись.

На углу у Политехнической улицы остановилась кремовая «Волга» 24-10. Из нее вышел слегка полноватый молодой мужчина с импозантными манерами и жестами. Его появление быстро привлекло к себе внимание. Причина была проста: этот мужчина лидер ленинградской ячейки МОК Снегирев Велемир Романович. Одет он был в темно-коричневый классический костюм, светло-голубую рубашку и красный галстук в золотистую полоску. Зачесанные назад черные волосы, уложенные лаком, дипломат из картона и кожзаменителя. Всем своим видом он давал понять окружающим, что персона важная и влиятельная. Свое самолюбие и амбиции Снегирев подкреплял еще с советских времен. Сделав блестящую карьеру в ВЛКСМ, он без проблем вступил в партию, был пламенным сторонником Перестройки и генсека Горбачёва, в 1990-ом году от КПСС избирался в Ленсовет. Но и этого было мало: Снегирев, как минимум, метил в градоначальники. В июне 1991 года Велемир Романович был одним из кандидатов на должность главы тогда еще Ленинграда. Потом события августа 1991-го, разгром КПСС, выпадение из политики. Теперь Снегирев был одним из крупнейших лидеров оппозиционного движения северной столицы. Он не оставлял возможности взять реванш, но для этого нужно было сделать большую работу – сконцентрировать вокруг себя протестные силы.

У Велемира сомнения и амбиций было гораздо больше, чем авторитета и политического обаяния. По своим замашкам и манерам он являлся типичным «аппаратчиком» из 80х: самодовольный, надменный, недоступный. Этим он нередко отталкивал от себя людей, и даже его товарищи по МОК смеялись и подшучивали на нем за его же спиной. Но этот анахронизм, попаданец из прошлого был не так уж и прост: именно с его подачи МОК стал площадкой, пытающейся объединить под собой все фракции коммунистического движения, включая сталинистов и троцкистов.

Появление Снегирева было сигналом к началу торжественной процессии от Площади Мужества до Пискаревского кладбища. Лидер коммунистов забрался на импровизированную трибуну, произнес короткую речь под аплодисменты собравшихся, после чего, собственно, началось шествие. Построившись в шеренги, держа транспаранты с лозунгами, ошетилившиеся красными флагами, процессия двинулась по Проспекту Непокоренных, который был к этому времени пусто: движение по нему закрыли именно для торжественных мероприятий.

Впереди всех ехала кремовая «Волга» Снегирева, а ее владелец сидел на заднем сидении своего автомобиля и через открытое окно скандировал в рупор лозунги и политические речи. Чуть позади от «Волги» ехали мотоциклисты из «С.С.С.Р», следом, развернув транспаранты, шли активисты МОК и городских профсоюзов. В этих же рядах шагала Евгения – на церемонии на Пискаревском кладбище ей отводилась одна из ключевых ролей. Неторопливо брели по проспекту и престарелые ветераны: для них, людей, сражавшихся под красными знаменами и за советские идеалы, было приятно, что о них кто-то еще помнит и кто-то чтит. Позади всех шли сталинисты с портретами вождя народов, украшенных искусственными цветами, молчаливые колонны троцкистов с плакатами, изображающими Ленина и стреляющую «Аврору», а также пешие активисты «С.С.С.Р» и социал-демократы. Если последние шли совсем тихо, то С.С.С.Р.-овцы орали на всю улицу, выбрасывали вперед кулаки, проклинали США, НАТО, Макдональдс, и выражали солидарность Югославии.

Так постепенно очистилась Площадь Мужества, которая тут же была занята активистами-демократами, собравшимся на альтернативный митинг. Хоть колонны левых сопровождали милицейские патрули, у пересечения Проспекта Непокоренных Гражданским с обеих сторон к социалистам стали подбираться политические оппоненты. Казалось, они специально готовились к этому, затаившись на Гражданском проспекте. Антикоммунисты ручейками текли по тротуарам, трясли картонными плакатами, на которых в оскорбительных видах был изображен Ленин, и Брежнев, целующийся с лидером ГДР Хонеккером. Демократы принялись освистывать шествие коммунистов, скандировать «Позор! позор!» Милиция никак не вмешивалась в происходящее, более того – они никак не препятствовали явно провокационным действиям. Участникам манифестации приходилось еще громче кричать в мегафоны и заглушать демократов музыкой из колонок. Евгения, которая за всем этим наблюдала, щури близорукие глаза, и поправляя пальцем переносицу очков, сразу поняла, что весь этот цирк – дело неслучайное: городской милиции было хорошо известно, что на Гражданском проспекте будет скопление митингующих, только действиям с их стороны было приказано не препятствовать.

Прекрасно всё понимал Снегирев и все прочие организаторы митинга. Ситуация стала накаляться, когда со стороны улицы Бутлерова сквозь ряды ОМОНа стали просачиваться дополнительные группки провокаторов. На этот раз это были не либералы с бело-синекрасными триколорами, а националисты. Среди них были как русские монархисты с флагами-«имперками», так и украинские с флагами независимой Украины и черно-красными бандеровскими. Мелькнули среди них цветастыми скандинавскими крестами флаги экзотичных сторонников «независимой Ингермаландии» и карельские сепаратисты, ратовавшие за выход Карелии из состава России и присоединению к Финляндии. С противоположной стороны Проспекта Непокоренных, откуда-то из аллеек Богословского кладбища появились бритоголовые мотоциклисты в кожаных куртках.

Тем не менее, под охраной кордонов милицейских патрулей и рядов ОМОНа, шествие вступило на территорию Пискаревского кладбища и медленно направилось к мемориалу Мать-Родина по центральной аллее. Преследовавшие митинг правые активисты отличились и тут: они беспрепятственно прошли на территорию кладбища, и по его аллеям двинули к той же площадке, что и коммунисты. Стоило только поставить у стеллы трибуну, как группа демократов из трёх человек подбежала и облила ее свиной кровью. Все это происходило на глазах скучающих милиционеров, которые никак не реагировали. Впрочем, от них не стоило ожидать чего-то другого: подобные выходы правых никак не наказывались, зато активистов-социалистов задерживали по любому поводу. Бывало, что администрация города и вовсе не давала разрешения коммунистам проводить митинги или поводить какие-либо мероприятия в честь 1-го и 9-го мая, 22 июня, Октябрьской революции и ко Дню снятия блокады Ленинграда.

Процедура возложения венков и цветов также не обошлась без эксцессов: если у самого мемориала было спокойно, то у могил демократы и националисты принялись задираť участни-

ков митинга. Они вырывали у людей цветы, топтали их ногами. Свора скинхэдов-мотоциклистов окружила группу ветеранов, у которых они потребовали отдать им флаг СССР. Те сопротивлялись, что только разжигало злобу бритоголовых: они всё больше сокращали расстояние, замахивались на стариков кулаками, норовили сорвать медали. К счастью, подоспели мотоциклисты «С.С.С.Р»: вооруженные тяжеловесными цепями с амбарными замками, кусками арматуры и железными прутьями, они оттеснили бритоголовых в глубь территории кладбища.

В это время уже проходил митинг. По очереди на трибуну выходили лидеры социалистов, но их все время пытались перекричать участники «музыкального митинга», расположившиеся на газоне не столь далеко от лагеря коммунистов. Этими «музыкантами» были демократы. Их певуны под гитару распевали песни Талькова и Цоя, с надрывом читали стихи поэтов-диссидентов. Не обошли, естественно, тему чехословацких событий 1968-го года, заунывно рыдая строки «танки едут по Праге, танки едут по правде». Остальные же встали кругом с бело-сине-красными триколорами, обнялись за плечи и раскачивались в такт музыки. Для усиления эффекта у этой группы демократов были большие концертные динамики: все, чтобы заглушить митинг коммунистов.

– «Ждут перемен» они... черти! – со злобой процедила сквозь зубы Евгения, услышав, как из-за ёлок доносится песня Виктора Цоя. Она ждала своей очереди, чтобы выйти к трибуне, а пока что наблюдала за происходящим.

– Так кто им мешает теперь? Два года прошло, а мертворождённый младенец «новая Россия» так и не задышал. – поддерживал Евгению ее друг Александр Блохин. – Помнится, что через два года после Победы советская власть карточки отменила, а чего добились демократы за тот же календарный период? И это при том, что им повезло: не нужно справляться с последствиями войны.

– Ты не понимаешь: к 1994-му году они обещали уровень жизни как в Канаде и Швейцарии. Ага: мы видим, как страна несется в эти райские кущи. У демократов остался один год: сроки поджимают! – иронизировала Евгения.

– Уверен, что ничего хорошего через год нас не ждет. Мы уже привыкли к тому, что каждый год хуже предыдущего. Ну, тогда нам-коммунистам, придется проще: демократы вместе с Ельциным обещали, что лягут на рельсы, если народ обнищает. – поддакивал Александр, надвигая козырек будёновки, спасаясь от яркого майского солнца.

– А мы и не против: рельсы, если что, готовы... начищены до блеска! – расхохоталась Казарская.

В это время ситуация накалялась. На дальних аллеях Пискаревского кладбища демократы и националисты пошли вразнос. Все началось с того, как один высокий, статный демократ в кожаном пиджаке подошел к пожилому ветерану в форме полковника вооруженных сил и очень вежливо попросил отдать ему красный флаг с серпом и молотом. Старого офицера было трудно смутить: он, пользуясь моментом, высказал хлыщу в кожанке всё, что о нем думал. В ответ на это демократ залил старику лицо перцовкой из баллончика. Полковник упал на землю, взыв от рези в глазах, а ликующий демократ тут же выхватил у него из рук красный флаг, и, вознеся его над головой, как трофей, понесся к своим.

Творились и другие бесчинства: демократы, одетые в рокерские сапоги и нарукавники, тушили сигареты об обелиски, хлебали пиво, а недопитые остатки алкоголя выливали прямо на обелиски. Другие разбрасывали цветы, лежавшие на могилах, рвали и топтали венки. Вездесущие скинхэды разрисовывали надгробия краской из пульверизаторов. Это даже не всегда были нацистские свастики: зачастую они изображали пятиконечные звезды, серпы и молоты и надписи «СССР», стараясь выдать акты вандализма за деятельность левых активистов. Не отставали от своих русских единомышленников и украинцы: те прыгали на могилах, распевая кричалку «Кто не скачет, тот москаль». Некоторые гости из славянской республики воинственно маршировали по аллеям Пискаревского кладбища, выкрикивая «Слава Украине»,

стуча в грудь кулаком, пиная ногами надгробия. Их русские собратья подхватывали бандеровское приветствие, отвечая «Героям слава». Это не могло не вызвать ответную реакцию коммунистов: так группки противников толкались, ударяли друг друга кулаками в плечо, срывались на нецензурную брань, но тут же сбавляли градус – рядом были наблюдавшие за всем, но не вмешивающиеся милиционеры. Самые напряженные стычки происходили между мотоциклистами: это напоминало какой-то странный рыцарский турнир. Конями, закованными в латы, служили двухколесные машины. Коммунисты и неофашисты разработали для себя некоторое подобие униформы, чтобы мгновенно отличать своих от чужих: скинхэды одевались в кожаные укороченные куртки со стоячим воротником или без воротника, на голове армейские шлемы, у которых иногда поля были заломаны на манер немецких «штальхельмов», сами шлемы нередко украшались двойными молниями СС, черепами или наклейками в виде андреевского флага; коммунисты выбрали для опознавания куртки-«эскимо», на голове обычный мотоциклетный или хоккейный шлем, в отличие от нацистов, коммунисты шлемы ничем не украшали. Так «рыцари» на двухколесных конях гонялись друг за другом, размахивая цепями, утяжеленными амбарными замками или самодельными палицами, иногда мотоциклисты сходились в поединке, норовя порезать друг друга раскладными ножами.

Пока на дальних аллеях Пискаревского кладбища шли «бои местного» значения, в которые все больше и больше вовлекалось людей, митинг у обелиска Мать-Родина продолжался. Пришел черед Евгении Казарской. Появление известной в левых кругах агитаторши и журналистки, вызвали аплодисменты у собравшихся. Девушка поднялась на трибуну, поправила стойку микрофона и принялась произносить речь. Она говорила без бумажки, по памяти. Ее выступление практически подошло к концу, когда она произнесла: «Демократы! Вы обещали лечь на рельсы, если народ обнищает? Мы обнищали... а рельсы давно начищены до блеска!»

В это время прозвучало несколько хлопков. Люди стали оглядываться, галдеть. К трибуне подошли несколько милиционеров и приказали завершать митинг. Делать было нечего: пришлось подчиниться стражам порядка и спуститься с трибуны, так и не закончив речь. Снегиреву, еще нескольким организаторам мероприятия и самой Евгении было приказано отойти в сторонку для проверки документов. Казарской это хоть и показалось подозрительным, но она все равно направилась к группе стоявших поодаль милиционеров. Вот тут все и началось: вдали послышались крики, звон бьющегося стекла, рев мотоциклетных моторов. Митингующие, которые по приказу милиции, организованно и мирно покидали Пискаревское кладбище, в одну секунду превратились в неуправляемую толпу.

Евгения не могла понять, что толком произошло, так как находилась вдали от эпицентра происшествия, но догадывалась, что это или потасовка с демократами и националистами или ОМОН начал колотить коммунистов. Девушка двигалась в потоке толпы, едва успевая переставлять ноги, чтобы не быть затоптанной.

А в это время ситуация на кладбище приняла опасные обороты. Дошедшие до высшей степени алкогольной кондиции бритоголовые и активисты «С.С.С.Р» от локальных столкновений перешли в откровенную рукопашную. Милиционеры патрульно-постовой службы, кроме дубинок, больше ничем не вооруженные, бросились в бегство первыми с территории кладбища. ОМОНовцы держались чуть дольше, они даже сделали несколько предупредительных выстрелов из автоматов Калашникова, но большинство, так же, как и патрульные не были вооружены, а дюралевые щиты и дубинки не смогли остановить превратившуюся в чудовище толпу. Закидываемые дымовыми шашками и взрывпакетами ОМОНовцы тоже обратились в бегство, побросав элементы экипировки, которые тут же стали трофеями дерущихся.

Толпа левых и правых стояли друг напротив друга, ожидая команды от своих вожakov вцепиться друг другу в глотки. Неофашисты и демократы мяли руками жестяные банки из-под пива и бросали их в коммунистов. Те, закатывали рукава, наматывали цепи на кулаки, доставали из карманов кастеты и раскладные ножи. Затем под всеобщий вой боевых кличей,

две стихии ринулись друг на друга. Пряткие, натасканные в уличных потасовках скинхэды быстро взяли боевую инициативу в руки и начали теснить силы социалистов. Последним даже не помогли отнятые у ОМОНа щиты. Оттаскивая своих раненых, левые отступали под победный рокот ультраправых. Теперь толпа двинула назад, и Евгении, которая не видела, что происходит, теперь отступала в противоположном направлении – к обелиску Мать-Родина.

Ситуация изменилась, когда коммунисты добрались до брошенных милицией металлических заграждений и решетчатого забора. Участники боя вырвали его из земли, и, прикрывая свои ряды таким вот щитом, пошли в контратаку на неофашистов и демократов. Те, приободренные отступлением коммунистов, нарушили свои ряды, за что вскоре поплатились: левые оттеснили правых решетками, а затем принялись давить противников. Демократы и неофашисты падали на землю, коммунисты наваливали на них тяжёлые чугунные прутья и шли по ним в бой, как по мосту. Под металлическими решетками, давившими внутренние органы, ломавшими кости раздавались крики, стоны, хрипы, мольбы о помощи. А коммунисты продолжали идти вперед, выдавливая противника с территории. Чтобы спасти ситуацию, правые выпустили вперед свою «кавалерию» – мотоциклистов. В ответ на это коммунисты наставили вырванные из земли заборы заостренными верхушками вверх. Напарываясь на импровизированные «копья», бритоголовые байкеры штабелями летели на землю. Наступавшие коммунисты тут же принимались топтать и пинать неонацистов ногами. Добрались также и до участников «музыкального митинга»: поклонников Цоя и Талькова били по чём зря, нередко обрушивая им на головы их же гитары.

Победа у левых была почти что в кармане, если бы в дело не вступила едва пришедшая в себя милиция. Под вой сирен и хриплые крики в мегафоны, установленные на бортах, на центральную аллею Пискаревского кладбища ворвались два автомобиля: сине-желтый микроавтобус РАФ с надписью «дежурная часть» и патрульные «Жигули». Предупреждений милиционеров уже никто не слушал, да и не собирался. Первым на себя принял удар «РАФик» дежурной части. Отступающие неофашисты и демократы тут же прострелили ему колеса и лобовое стекло. Милиционеры принялись вытаскивать из-за руля товарища, у которого вся голова и рубашка были залиты кровью. Это и спасло им жизни: одна из шашек влетела в салон микроавтобуса, после чего тот вспыхнул. Брызнули в стороны осколки плавающего стекла, из бензобака прыснул искрами бензин, который тут же смешался с вытекшим под днище маслом, отчего произошел еще один взрыв. От яркой вспышки и оглушительного хлопка задние ряды отступающих правых молодчиков попадали на землю, получив ожоги кожи и разрывы барабанных перепонки. Энергией взрыва с петель сорвало водительскую дверь микроавтобуса – ее приподняло вверх, а затем она, кувыркаясь и горя в воздухе, словно древесный лист, рухнула на одну из могил, сбив красную пятиконечную звезду и расколов надгробие.

Милиционеры, ехавшие в «Жигулях» растерялись, будучи окруженные несущейся на них толпой и отступающими товарищами, тащившими раненого водителя «РАФика». Кто-то из бритоголовых вскочил на капот милицейского автомобиля. Под его тяжелыми сапогами с металлическими набойками и белыми шнурками крышка капота тут же прогнулась. Этот громила, с оголенным мускулистым торсом, и обвязанный бело-сине-красным триколором, на манер казачьего кушака, был вооружен монтировкой, которую и пустил в ход, кроша вдребезги лобовое стекло автомобиля. Его подельники буквально выволокли милиционеров из окруженной машины, сбили с головы фуражки, начали срывать со стражей порядка погоны, выхватили из кобуры табельные пистолеты. Потом патрульных повалили на землю и стали бить. Когда милиционеры полностью обессилили, то неонацисты принялись прыгать на их телах в знак победы.

«Жигули» патрульно-постовой службы теперь оказались в руках правых. На их счастье милиционеры оставили ключи в зажигании. Теперь воодушевленные демократы и неофашисты получили настоящий таран: они расступились, чтобы сделать коридор, а затем на большой

скорости врезались на захваченной милицейской машине в толпу наступавших коммунистов. Несколько человек отлетело в стороны, другие же попали под колеса и были раздавлены. Правые молодчики быстро переключали коробку передач, сдавали задним ходом и снова таранили автомобилем толпу. Делу не помогли и подоспевшие на помощь мотоциклисты с куртках-«эскимо» и в хоккейных шлемах. Так несколько байкеров были сбиты «Жигулями».

Коммунисты остановили свое наступление. Теперь они решили атаковать правых с флангов, рассредотачиваясь по аллеям и еловым посадкам кладбища. Задние ряды, в которых была и Евгения, все еще не видели всех подробностей происходящего. Единственное, что они догадались о массовых беспорядках, когда вдаль послышались милицейские сирены, а затем прогремело два хлопка взрыва. Когда же левые ринулись влево и вправо от центральной аллеи, стадному чувству поддалась и Евгения. Она бежала, перескакивая через могилы, лишь с одной мыслью: лишь бы вырваться с территории кладбища и не попасться милиции... вот это материал для репортажа!

Как выяснилось, так думала не только она одна. Многие коммунисты разбегались, зная, что милицейское подкрепление в конечном счете разгонит беспорядки. А чтобы тебя в них не уличили, то нужно ничем не выдавать себя в толпе и выбросить все, что хоть как-то идентифицирует тебя как активиста какой-либо политической организации. Некоторые выбросили по дороге к забору кладбища буденовки, красные шарфы, флаги, значки. Кто-то скинул с себя куртку-«эскимо». Евгения подняла ее – она оказалась мужской и несколько для нее великоватой. Но девушка боялась, что она фигура довольно известная в левых кругах, а милиция, которая решила проверить у нее документы, точно «срисовала» ее приметы и в чем она была одета. Пришлось поверх джинсовой куртки накинуть и «эскимо». Перед Евгенией несколько человек ловко перемахнули через забор кладбища. Но для несколько неуклюжей Казарской эта задача показалась не из простых. Девушка кое-как вскарабкалась по кирпичным выступам, цепляясь за прутья. Несколько раз ее кроссовки предательски срывались, но Евгения изловчилась добраться до верхушки забора. Теперь нужно как-то перемахнуть на другую сторону. Для этого необходимо перекинуть хотя бы одну ногу. Евгения развалилась на прутьях забора, словно сарделька, наколотая на вилку. Немалых сил стоило задрать ногу и не порвать джинсы. В это время мимо забора по тротуару проходил какой-то гражданин, который с ужасом посмотрел на раскорячившуюся на заборе девушку в двух куртках и в запотевших очках.

Шов джинсов все же треснул, да с таким звуком, что это гражданин испугался и забежал вперед, ускорив шаг. Евгения, повиснув на прутьях забора, в тот момент напоминала ленивца. Сходство с этим животным ей добавляло то, что она так же медленно и осторожно щупала ногами перекладыны забора. И всё-таки получилось: девушка прыгнула на асфальт тротуара. Ее найденное на кладбище «эскимо» было перепачкано чем-то черным. Ладони тоже окрасились в черный цвет от прутьев забора, за которые она хваталась. Но это все ерунда: главное, что она смогла вырваться. Евгения отряхнула руки и ринулась к близлежащей зебре пешеходного перехода.

Пока Казарская отрывалась от возможной погони, произошла развязка событий, развернувшихся на центральной аллее Пискаревского кладбища. У самого входа возле Проспекта Непокоренных находился пруд, рядом с которым проходили какие-то ремонтные работы. В выходные тут рабочих не было, зато имелась сложенная брусчаточная плитка и экскаватор. Неонацисты и демократы тут же бросились разбирать плитку, чтобы использовать ее как метательные снаряды. Но и коммунисты не отступали. У последних был важный козырь, который и предрешил исход битвы: рабочие. Ультраправые бритоголовые молодчики, футбольные фанаты и пьяные интеллигенты с гитарами не знали, что делать с экскаватором. Зато работяги, пришедшие на мероприятия в честь 9-го мая, сразу смекнули. Один пролетарий ловко вскочил на гусеничные тракты экскаватора, разбил окно кабины, открыл изнутри дверь. Напрасно неонацисты и демократы бросились к машине, чтобы вытащить оттуда рабочего: тот хорошо

знал свое дело. Лихой пролетарий чувствовал себя в кабине этой машины словно рыба в воде. Он мог переключать рычаги и жать педали едва ли не с закрытыми глазами.

Зато в широко открытых глазах правящих был ужас, когда монструозная желто-оранжевая машина, вооруженная ковшом, ринулась на них. Демократы и неофашисты разбегались кто куда, спасаясь от гусениц экскаватора. Тем временем рабочий переключал рычаги, размахивал ковшом, круша ряды врагов рабочего класса и государства. Не помог им и трофейный милицкий автомобиль: те слишком поздно заметили прущую напролом строительную машину. Молодчики попытались сдать задним ходом, но над «Жигулями» уже навис ковш. Лишь одному из неофашистов удалось выскочить из салона. Его же подельники только успели вскрикнуть, когда ковш опустил вниз, разрывая крышу «Жигулей» металлическими зубьями, а тяжелые гусеничные тракты стали подминать под себя хлипкий кузов.

Глава 2

Евгения Казарская забежала на территорию одной из школ, расположенных в кварталах вдоль Меншиковского проспекта. Она была в растерянности, так и не успев понять, что толком произошло. Девушка села на скамейку близ школьного стадиона, достала из сумки фотоаппарат, на который она успела сделать несколько снимков. Евгения извлекла пленку и просмотрела ее на свет: ничего интересного или сколько-нибудь проясняющего. Проявленная пленка не принесла бы ничего полезного для репортажа. Как бы то ни было, но сейчас нужно решить куда направиться дальше. Казарская не могла с этим окончательно определиться: или домой, или в штаб МОК.

Никакой погони не было, поэтому девушка спокойным шагом направилась к проспекту Руставели. Погруженная в свои размышления, она не заметила, как у подземного перехода к железнодорожной станции появился пеший милицкий патруль. Казарская спешным шагом сбежала по лестнице вниз и затаилась за углом. Тем временем, милиционеры остановились возле перехода, уселись на парапет, о чем-то болтали, смеялись. Евгения решила отсидеться внизу, несмотря, что тут было довольно мерзко и темно: плафоны фонарей разбиты, сам переход залит мерзкой слякотью, лужами мочи, повсюду битые стекла, бутылки, обрывки газет, окурки. У противоположного выхода на картонке, поджав ноги к животу, спит то ли бомж, то ли алкоголик. Чтобы не так сильно ощущать смрад, Евгения достала из кармана пачку ментоловых сигарет, чиркнула зажигалкой. Крошечный султанчик света вспорхнул во тьме. Вдоль противоположной стены поскакали темные меховые шарики – крысы, напуганные огнем. Казарская щелкнула крышечкой зажигалки, и подземный переход вновь погрузился во тьму. В конце тоннеля храпел бомж, в лужу мочи радостно повизгивая, шлепнулись крысы, оказавшись в столь ими любимой темноте. Евгения продолжала стоять за углом, затянулась табачным дымком «Моря» с мятными нотками.

Вдруг о ступеньки перехода что-то со звоном ударилось. Послышался звук бьющегося стекла. Затем Евгения услышала, как постепенно глуше становился стук башмачных каблучков, вскоре уже болтовня и смех милиционеров стих. Они ушли. Казарская начала выбираться из перехода. Поднимаясь по ступенькам, она увидела рассыпанные осколки прозрачного стекла и этикетку – это милиционеры, которые тут были, пили водку, а затем разбили пустую бутылку о ступени.

Евгения направилась в сторону Проспекта Науки, норовя добраться до станции метро Академическая. По улице ходили трамваи, но девушка не рискнула ими воспользоваться: вдруг патрульные начнут облаву на транспорте. Погода была солнечная, майское небесное светило все больше разогревало воздух – заодно можно неплохо прогуляться пешком. По проспекту пронеслось автомобилей несколько передвижных милицеских групп с включенными сиренами. На подходе к вестибюлю станции метро тоже были патрули, стоял микроавтобус дежурной части. Патрульно-постовая служба милиции проводила выборочную проверку документов,

проводила досмотр. Пассажиры, выходившие из трамваев у станции, тут же попадали в руки милиции, которая требовала показать документы. Было ясно, что на Пискаревском кладбище что-то произошло. Вполне вероятно, это могли быть массовые беспорядки. Евгения мысленно похвалила себя, что не купилась на поездку на трамвае – иначе ее уже бы сажали в желто-синий микроавтобус. Девушка развернулась, и побрела в обратную сторону. У одного из переулков ее окликнули таксисты, скучавшие без клиентов. Ехать домой на Дачный проспект через весь город – дорого, в штаб партии до Старой Деревни – рукой подать. Евгения отвергла навязчивые зазывания, и решила пройти кварталами до следующей станции метро – Гражданский проспект. Конечно, никто не гарантировал, что и там может быть милицейская засада. Казарская решила, что если оно будет так, то плюнет и раскошелится на такси.

Еще немного, и Евгения добралась до очередной станции. Рядом с вестибюлем находился автовокзал, загруженный прибываемыми и отъезжающими цветными маршрутками-«РАФиками», заляпанными грязью «Волгами» таксомоторного парка и частным транспортом шоферов-бомбил. Тут же неподалеку многочисленные торговцы разложили на деревянных ящиках свой нехитрый товар: резиновые китайские детские игрушки, лотки с сигаретами, склянки с сомнительной спиртосодержащей жидкостью. На горизонте высокие бетонные коробки панельных кварталов, и пустыри, где грязь и глина потихоньку зарастала молодой майской травой: мощные силы природы брали свое, невзирая на раны, нанесенные человеком – куски бетона, металлические прутья, торчащие из земли, лужи засохшего технического масла, вытекшего из ржавеющих остовов разобранных на запчасти автомашин.

Где-то рядом за этими рядами панельных домов проходила черта Санкт-Петербурга: дальше к мегаполису вплотную прижимался городок под названием Мурино – с него началась Ленинградская область. Здесь, на окраине, всегда было много народу: одни ехали в большой город, другие наоборот – из города на свои дачи. Поэтому вестибюль станции метро Гражданский проспект представлял собой бесконечное столпотворение: неиссякаемые потоки человеческого моря, сумки, чемоданы, тележки. Евгения втиснулась в толпу, которая увлекла ее в подземный переход, а далее в стеклянные ворота – вход на платформу. Девушка мельком заметила в переходе двух милиционеров, которые рассматривали какие-то листы типографской бумаги, потом поднимали глаза, всматриваясь в текущую толпу, а затем снова глядели на бумаги. У Казарской душа ушла в пятки, но милиционеры не обратили на нее никакого внимания. Да вообще можно ли кого-либо высмотреть в этом столпотворении?

Евгения нащупала в кармане жетон, опустила его в турникет, и прошла к платформе. Станция была загружена до отказа: курочке клюнуть негде. Из тоннеля выехал электропоезд, ехавший с конечной станции Девяткино, что на территории Мурино. Подходя к Гражданскому проспекту, вагоны уже были забиты пассажирами. Стоило дверям только распахнуться, как толпа с платформы ринулась внутрь, потеснив недовольных, ехавших от Девяткино. Проезжая через станции Академическая, Политехническая и Проспект Мужества, Евгения тревожно оглядывалась по сторонам, однако ничего странного не происходило, будто события на Пискаревском кладбище прошли практически бесследно.

Казарская по-прежнему не могла определиться, куда ей ехать. По прямой линии можно было добраться до конечной станции Проспект Ветеранов, а оттуда рукой подать до дома. Евгения не хотела лишний раз тревожить маму: она ведь явно перенервничает, когда увидит по телевизору репортаж о происшествии на Пискаревском кладбище. Но и бросить товарищey она не могла. Что с ними случилось? Где они сейчас? И что вообще произошло на кладбище? Если начались облавы и аресты, то Евгению милиция могла подкараулить возле дома – не просто же так они интересовались ее документами. Засада могла быть и у штаба МОК, но стремление скорее сделать заявление, собрать материал для репортажа, повлияли на конечный выбор: на Технологическом институте Казарская пересела на синюю ветку метро. Усмотрев освободившееся место, она тут же плюхнулась на сиденье: Евгения очень устала после всех приключе-

ний, поэтому на несколько минут закрыть глаза – весьма хорошая фора. Механический стук колес электропоезда, пропахший креозотом ветер из открытой форточки: девушка погрузилась в дремоту. Её поверхностный сон прервал голос из репродуктора «станция метро Чёрная речка». Казарская тут же проснулась, вскочила с места и рванула на платформу станции.

Выйдя на улицу, Евгения опять прикурила, прикидывая каким путем лучше добраться до штаба: по улице Савушкина или по Приморскому проспекту? Рядом с вестибюлем метро было множество киосков и лотков со всевозможной дребеденью. Казарскую заинтересовал развал с видео и аудиокассетами. Тут толпилось особенно много народу, а два продавца едва успевали выслушивать пожелания покупателей, постоянно роясь в картонных коробках в поисках нужной кассеты. Увлечшись разглядыванием товара, Евгения поздно заметила, как позади нее послышался топот ног.

«Оп! Оп! Оп!» – прохрипели мужские голоса, и крепкая рука, схватив Евгению за плечо, потянула девушку в сторону. Будто материализовавшись из воздуха, перед ней выросли три здоровенные мужские фигуры. Один из незнакомцев по-прежнему удерживал Казарскую за плечо, другой вырвал сумку из рук, третий – в коричневой кожаной куртке и рабочей клетчатой кепке, сунул девушке в лицо небольшую книжицу. Остальные двое тут же последовали примеру типа в кепке. Евгения была настолько шокирована и обескуражена, что едва ли адекватно соображала. Она толком не запомнила внешности незнакомцем и их имен в книжечках. Единственное, что четко прочли близорукие глаза Евгении – «МВД России».

Три милиционера подвели Казарскую к серой «Волге» 31029, стащили с девушки обе куртки, оставив ее в джинсах и футболке с коротким рукавом. Шустрые руки оперативников мигом проверили складки и карманы, достали связку ключей.

– От чего ключи?

– От моей квартиры! И вообще: вы меня с кем-то путаете! Требую отдать мне мои вещи и сумку! – резко ответила Евгения. Но милиционеры ее не слушали. Открыв дверь «Волги», они затолкали девушку на заднее сиденье. Казарская хотела было дернуть ручку, но дверь оказалась заблокирована.

– А ну положила руки, чтобы я видел! – рявкнул на Евгению оперативник, севший справа от нее, и с силой ткнул ей пальцем в колено. Казарской пришлось подчиниться. С передних сидений на нее смотрели два других милиционера: тот самый в кепке и мордастый короткостриженный здоровяк с почти что юношеской щёткой черных усов над верхней губой. Их вид стал расплываться от слез, потекшая тушь стала жечь глаза.

– Не ошиблись! – хмыкнул третий, сидевший рядом с арестованной, вытащив из ее сумки паспорт. – Казарская Евгения Александровна... это ведь ты!

– Да... я... – на выдохе выдавила из себя Евгения, хлюпая носом.

Мотор «Волги» заревел, машина крутанулась у пешеходного перехода, а затем понеслась по улицам города в неизвестном направлении.

– Зачем ты призывала к массовым беспорядкам? Ты ведь коммунистка: какого чёрта нужно было топтать могилы и поджигать патрульные машины? Или для тебя ничего святого нет? – начал допрос полноватый оперативник, сидевший рядом с девушкой.

– Вы сдурели? Это ложь! Наглая ложь! Оговор!

– Ложь?! – налилось багрянцем лицо толстяка. – Тринадцать мертвяков, трое сотрудников милиции в больнице в критическом состоянии! Хочешь сказать, что я все придумываю?

– Что?! Какие еще мертвяки? – навзрыд отвечала Евгения.

– Тринадцать трупов в морг с кладбища привезли. И не тех, кто там похоронен... это погибшие от давки и убитые в беспорядках. И все из-за тебя, сучка! Вот зачем тебе все это? Ты же женщина! Тебе домом нужно заниматься, мужем, детьми заниматься, а не той политической х*рнёй! Быстро говори, кто твои подельники и где они сейчас скрываются!

– Я ничего не знаю...

– Ну, всё! Готовься! Тринадцать человек на тот свет спровадила: теперь вышку получишь!

– За что?! Я ничего не делала! – заорала на весь салон Казарская, захлебываясь слезами. Она хотела вытереть нос, но тучный оперативник шлепнул ее по рукам.

– Положила руки обратно! Еще раз уберешь их с колена – надену наручники.

Здоровяк с усиками, сидевший на переднем пассажирском сидении, развернулся и шлепнул Казарскую по голове свернутой в трубку газетой.

– Евгения Арманд... – прочёл он псевдоним Казарской под одной из статей, где была ее фотография. – Так как твоя настоящая фамилия? Паспорт настоящий или липа?

– Настоящий...

– Что за Арманд? Это твоя девичья фамилия? Ты вообще кто по нации? Из Прибалтики что ли?

– Илюх! Она еще и фотографировала всё. – показал фотоаппарат здоровяку оперативник с заднего сиденья. – Ну, маньячка! Нравится смотреть, как люди гибнут?!

Здоровяк, которого, как выяснилось, звали Ильёй, снова развернулся и еще несколько раз отшлепал Евгению газетой по голове.

– Я же говорю: вышка этой очкастой дуре светит. Или пожизненное, как минимум. – продолжал толстяк.

– Я поняла: это политические репрессии! – многозначительно ответила девушка, смачно хлопнув носом.

– Как? Репрессии? Сейчас тебе будут репрессии! Это тебе не Прибалтика, гражданка Арманд. – ответил опер, когда «Волга» притормозила у металлического забора, за которым виднелось невысокое здание, похожее на школу.

– Знаешь, что это такое? Это отделение милиции. Даю последний шанс вот тут во всем признаться: это облегчит твою участь. – милиционер продолжал копаться в сумке Казарской. – Тэээк! Кошелек, салфетки, помада, косметика какая-то, еще ключи... а это что? Фотопленка! Блокнот, пенал...

– Пенал? – переспросил тип в кожаной куртке и кепке.

– Пенал! Карандаши у нее тут, ручки, резинка. Обычный школьный пенал.

– Сразу видно: ё*нутая! – охарактеризовал девушку здоровяк Илья.

– Заморская жвачка! Чё? Коммунисты уже буржуйскую жвачку жуют? – расхохотался толстый оперативник. – И сигареты заморские! «Магна»... «Море»... а чё не «Беломорканал» или «Прима». Настоящий коммунист не должен же курить омуриканское.

– «Магна» – это вообще иранские сигареты. – ответила Казарская.

– «Мадэ ин Иран» – прочёл оперативник надпись из крохотных буковок. – И правда! Иран! А зачем ты куришь? Ты же девушка, а пыхаешь как армейский прапорщик!

– Хочу и курю!

– Ух ты! Таблетки! – милиционер достал из сумки пузырек с маленькими желтыми таблетками и серебристый блистер – тоже с желтыми таблетками. – Наркотики употребляешь? Может ты «колёсами» закинулась и под кайфом речи свои произносила? Для чего тебе эти таблетки?

– Это «от живота»... «но-шпа»...

– Не замужем?

– Нет.

– Что молодому человеку своему скажешь, когда он узнает, что ты в тюрьме?

– Он меня вытащит отсюда...

– Ну, хорош! – толстый милиционер вышел из машины, вытащил куртку арестованной и ее сумку. – С моей стороны выходи!

Евгения выползла из салона «Волги», и девушку повели через проходную.

– Опять проститутка что ли? – спросила оперативников дежурная милиционерша, с неприязнью оглядев задержанную. По своему внешнему виду Евгения меньше всего походила на девицу лёгкого поведения.

– Не поверишь: саму Зою Космодемьянскую поймали! – ответил здоровяк Илья.

– Осторожно! – рявкнул толстяк, когда Казарская споткнулась о ступеньку крыльца отделения милиции. Далее оформление в дежурной части. На Евгению не надевали наручники: она закрыла лицо ладонями, уперевшись локтями в притолоку «дежурки». После процедуры арестованную повели по лестнице на третий этаж, где за металлическими дверями с толстыми стеклами и кодовым замком находилась оперчасть. Евгения пыталась подсмотреть комбинацию кнопок, открывавшую дверь, но заметившие это оперативники отодвинули девушку в сторону.

Оперчасть представляла собой длинный узкий коридор, стены которого обиты пластиковыми панелями, имитировавшими красное дерево. Справа и слева – многочисленные кабинеты. Из одной двери показалась фигура начальника отделения милиции.

– Это ту самую задержали? – спросил он сослуживцев.

– Да: Казарскую-Арманд. Выловили у метро «Чёрная речка» – вот чувствовали, что кто-то из их совковой братии после всего сунется к штабу.

– В кабинет для допросов ее! – приказал полковник.

Евгению завели в одну из комнат. Покрытый пылью, прокуренный потолок, стены, окрашенные бежевой краской, драный линолеум на полу, зарешеченное грязное окно, нижняя часть которого прикрыта куском фанеры. Из убранства прикрученный к полу стол из ДСП, на нем лампа и микрофон с магнитофоном. Рядом со столом два стула: один, видимо для допрашивающего, второй приставлен спинкой к стене – для арестованного. В углу у двери шкаф, банкетка, далее расшатанное крутящееся кресло, обитое красным кожаным материалом. Над ним две драные карты – Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Евгении приказали сесть в красное кресло у стены с картой города.

– А ну села прилично! – прикрикнул на Казарскую оперативник Илья, разместившийся на стуле у противоположной стены.

– Без тебя разберусь как мне сидеть! – дерзила задержанная.

– Село ровно! – злобно, раскатами солдафонского рыка, крикнул милиционер. Евгения не подчинялась: она продолжала сидеть, закинув ногу на ногу, оперев голову на кулак, и поставив локоть на подлокотник кресла. Казарская даже принялась издеваться над милиционерами: на требование сменить позу начала назло болтать ногой.

– Может, ты еще тут и раскорячишься?

– Может и раскорячусь. Как будто мне за это что-то будет! – ухмылялась сардонической улыбкой девушка. – Только не говорите, что за неудобную позу есть статья уголовного кодекса.

– Хамка. – констатировал Илья.

– Меня Женей зовут, если ты забыл.

– Не тыкай мне тут!

– Не ори на меня! – завопила на весь кабинет Казарская.

– Я последний раз предупреждаю тебя... потом не обижайся. Или тебе напомнить с какими органами имеешь дело? – вскочил с места Илья, подошел к Евгении, угрожающе нависая над ней. В подтверждение своих слов он пнул ее по ногам, заставив сесть ровно.

– Органы?! А ты мне своим органом не тряс, мент вонючий!

Здоровяк не выдержал и дал щелбан по переносице очков Евгении.

– Давай! Бей меня, скотина! Подонок! Бл*дина ты ё*аная... п*дор! Может, ты еще изнасилуешь меня? Давай! Смелее! Начинай, выродец полицейский!

Оперативник хотел было ударить Казарскую, но его товарищ в коричневой куртке и кепке вовремя оттащил.

– Оставь! Не трогай её!

Утомив сослуживца, опер в кожанке крикнул на Казарскую:

– Пасть закрыла свою, шлюха! Интеллигенция бл*дь! Это типа так материться и вести себя на журфаке учат? Хороши же у нас журналисты!

Евгения хотела что-то сказать в ответ, но кожаный не унимался:

– Только возникни мне еще хоть раз или рот свой е*анный раскрой – прикую наручниками.

В комнату для допросов вошел начальник отдела внутренних дел – тот самый полковник. Бросив взгляд на Евгению, он тут же ей продемонстрировал прозрачный полиэтиленовый пакет, в котором был выкидной нож.

– Вот такие у нас дела! – многозначительно произнес он. – В твоей куртке, между прочим, нашли. Отпечатки уже сняли – будем отправлять на экспертизу. Попала ты, девочка!

– Что это все значит? – возмутилась Казарская. – Это какая-то глупая провокация. Я журналист, между прочим. Вам же не поздоровится.

– Удостоверение журналиста мы тоже изъяли, только из другой куртки. Только никак не пойму: зачем тебе сразу две куртки?

– В том все и дело, что моя куртка только одна – та, которая джинсовая. А с мехом я нашла на улице.

– Давай, начинай заливать мне! – угрюмо ответил полковник. – Садись сюда! – приказал он. Ткнув пальцем на стул, приставленный спинкой к стене. Сам же он сел за стол, включил лампу и раскрыл папку с бумагами. Девушка послушно заняла то место, на которое ей указали.

– Я начальник этого отделения – полковник Пчелинцев. На сегодня цирка хватит, поэтому приступим к допросу. Фамилия, имя, отчество, дата рождения и место рождения.

– У вас такая короткая память? Не запомнили три строчки из паспорта?

– Имя своё назови! – прикрикнул полковник. – Мне нужно, чтобы ты сама сказала.

– Казарская Евгения Александровна, 26 февраля 1965 года рождения... Ленинград...

– Санкт-Петербург теперь у нормальных людей, а не Ленинград. Учитесь называть объекты правильно. – записывал в протокол допроса полковник. – Пол женский... семейное положение, дети...

– Не замужем, детей нет.

– Национальность...

Услышав этот вопрос, Евгения несколько оробела.

– Национальность! – давил на нее полковник.

– Еврейка... в полголоса ответила девушка.

– Чё? Правда, что ли? – заинтересовался Пчелинцев, подняв глаза на Казарскую, вглядываясь в ее черты лица.

– Правда...

Полковник достал паспорт задержанной, открыл его и сверил данные с показаниями задержанной. – И действительно: еврейка по паспорту! Идем дальше: образование...

– Высшее.

– Место работы, должность.

– Ленинздат, корреспондент.

– Интеллигенция блин! Во какая пошла: с ножом в кармане интеллигенты уже ходят! Раньше такое в карманах было только у уголовников или у шпаны, теперь журналисты докатились до их уровня. Разложенцы! – бубнил полковник. – Адрес постоянной регистрации...

– Ленинград, проспект Суслова 10 дробь 7...

– Опять? И так: город Санкт-Петербург, проспект Суслова – это вроде снова сейчас Дачный проспект?

К карте города подошел оперативник Илья, нашел нужную улицу и подтвердил:

– Карта просто старая: тут как Проспект Сулова значится. А так это Дачный проспект. – Евгения назвала парадную и номер квартиры.

– Кто с тобой постоянно в квартире проживает?

– Мама.

– Как ее зовут и какого она года рождения?

– Казарская Татьяна Марковна 1935 года рождения.

– Инвалид?

– Нет. Ветеран труда, блокадница.

– Иностранное гражданство у тебя имеется?

– Нет.

– На воинском учете состоишь?

– Состою: военный билет имеется.

– Вот это да! Она еще и военнообязанная! Да это же п*пец армии тогда будет!

– Он с ней и без меня произошел. – парировала Евгения.

Полковник проигнорировал комментарий Казарской, но спросил:

– И по какой же ты воинской специальности в случае чего?

– В качестве военного корреспондента.

– А! Фронтovou газету якобы вести будешь: понятно. На учете в нарко- и психоневрологическом диспансере состоишь?

– В этих учреждениях не состою.

– А вот это зря: ты же ненормальная девица – в двух куртках в мае месяце ходишь, ножи носишь, хулиганишь. Тебе вообще голову у доктора нужно проверить.

– Судимости были?

– Не имею.

– Значит, будут. И так вернемся к делу. Евгения, ты понимаешь в какую историю ты вляпалась? Тринадцать трупов, поджог служебного милицейского транспорта, три милиционера в тяжелом состоянии в больнице, ещё двадцать пять человек получили увечья разной степени тяжести. А ведь нам достоверно известно, что вся эта заварушка на Пискаревском кладбище началась после того, как ты во время митинга призывала к насильственному свержению конституционного строя и неповиновению властям. А также именно ты публично высказывала идеи физической расправы над высшим руководством страны и представителями демократической общественности. А потом? Как по заказу началась неразбериха, потасовка. Ты заранее к этому подготовилась? С кем ты вместе планировала эту акцию?

– Я вообще не знаю, что произошло на митинге. Да, я выступала на трибуне, но ни к каким действиям насильственного характера не призывала. Более того: я сразу поняла, что что-то произошло – люди пришли в движение, были какие-то хлопки, похожие то ли на выстрелы, то ли на взрывы. Народ начал массово покидать территорию кладбища, и я тоже.

– Что вы имеете ввиду под фразой «действия насильственного характера»? Как по-вашему: что произошло сегодня утром на Пискаревском кладбище?

– Я честно не знаю. Предполагаю, что были массовые беспорядки.

– Массовые беспорядки... это вы понимаете. А знаете ли вы, какая статья уголовного кодекса за это предусмотрена и сколько за нее дают?

– Я еще раз отвечаю: никакого отношения к массовым беспорядкам не имею – я была лишь сторонним наблюдателем.

– Так все же эти беспорядки были, судя по вашим словам?

– Почему вы меня передергиваете? Кажется, я понятным русским языком все изложила.

– А вот нам непонятно. Если не вы сами инициировали данную акцию, тогда кто? Какое отношение к этому имеет гражданин Снегирев?

– Вы его тоже арестовали?

– А вам не все ли равно? И вообще: кто ты такая, чтобы сейчас тут допрашивать представителя власти?! – гневался полковник Пчелинцев.

– Дайте мне бумагу, и я все изложу.

Милиционеры предоставили Казарской несколько листов типографской бумаги и авто-ручку. Девушка, как и обещала, подробно описала, что собственными глазами наблюдала утром на церемонии. Через некоторое время ее снова вызвал полковник Пчелинцев. Войдя в кабинет, стены которого были обиты панелями из орехового дерева, в углу стоял российский триколор, а на стене портрет Ельцина, она увидела, что полковник с кем-то разговаривает по телефону. Дав знак сесть за Т-образный стол, он отвечал кому-то на другом конце провода: «Все понял... так точно... Эээ не представляет опасности, усиленный конвой не нужен». Затем он положил трубку и опять обратился к Казарской.

– То, что ты тут написала нам – это «липа». Ты нас за дураков держишь? Выходит так, что вы, коммунисты, все такие белые и пушистые. Вот только факты говорят об обратном: потому все вы задержаны.

– Что? Я же четко написала, что мы никакого отношения к беспорядкам не имеем. К нам на всем пути подбирались представители демократов и националистов, которые всячески нас провоцировали. Однако, мы во избежание эксцессов старались никак не реагировать...

– Плохо старались! В итоге тринадцать трупов! Вот так! Ваши оппоненты дают показания, что потасовку на кладбище затеяли именно коммуняки. Кого вы подговорили угнать строительный экскаватор?

– Да вы с ума сошли! Это бред: какой еще экскаватор?! – все больше злилась Казарская.

– С помощью которого была уничтожена патрульная машина милиции, а в салоне погибло три человека. У одного из погибших был обнаружен российский флаг, которым он обмотался: хотите сказать, что не коммунисты убили этого гражданина? Вы ведь так ненавидите тех, кто чтит новые символы России!

– Это милиционер был обмотан флагом?

– Рядовой гражданин!

– Тогда у меня закономерный вопрос: как так получилось, что ваши сотрудники никак не вмешивались в явно провокационные выходки? Может, трагедии удалось бы избежать, если бы милиция выполняла служебный долг, а не политический заказ?

– Короче, всё ясно с тобой. Разговаривать бесполезно... Впрочем, с тобой будут беседовать в другом месте. Против вас возбуждено уголовное дело по статьям 70ой части 1ой, 70ой части 2ой и 79ой. А именно вы обвиняетесь в призывах к насильственному свержению конституционного строя, организации мероприятий, направленных на подрыв государственности и организации массовых беспорядков. Таким образом, в перспективе светит ... аж до двадцати пяти лет.

– Что? – вскочила с места от ужаса Евгения.

– За вами, госпожа ...

– Госпожой меня будешь называть, когда у меня между ног окажешься! Ко мне прошу обращаться «товарищ» или «гражданка»! И я требую сюда, прямо сейчас прокурора и адвоката! – оборвала на полуслове полковника Евгения.

– Не надо прокурора звать: он сам вас вызовет. – Полковник незаметно нажал тревожную кнопку, после чего тут же явилось несколько оперативников.

– Я имею право на звонок!

– А кофе тебе не подать? – напирал на Евгению оперативник Илья.

– Пусть звонит! – одернул коллегу полковник. – Кому будешь звонить?

– Маме.

– На... звони... – Пчелинцев любезно передал Казарской телефонный аппарат.

Евгения сняла трубку и уже хотела набирать номер, как оперативники вплотную подошли к ней.

– Вдруг ты в Северную Корею позвонишь или в Китайскую Народную Республику? Там ведь ваши: коммунисты всё еще сидят. Вот мы и беспокоимся. – прокомментировал действия милиционеров Пчелинцев.

– Не бойтесь: свой домашний номер телефона я помню хорошо. – Евгения начала крутить диск телефона. Далее пошли протяженные гудки.

– Сто пудово в посольство Израиля звонит: она же того... – усмехались оперативники.

Тем временем дома трубку никто не брал. Евгения все больше волновалась, но все еще надеялась, что мама подойдет к телефону. На другом конце провода засигналили частые гудки – время ожидания истекло.

– Сделали для тебя всё, чего могли! – развели руками оперативники, забирая телефонный аппарат у девушки.

– Я.. я... – пыталась что-то промолвить в ответ Евгения, но ее глаза опять наполнились слезами, а губы задрожали.

– Бедная мама! Теперь старуха будет тебе передачи в «Кресты» носить. – покачал головой полковник. – Скажи спасибо, что демократия и президент Ельцин даже тебе, коммунистке, дали право на последний звонок.

С портрета на стене Евгении действительно ухмылялся своей косоротой улыбкой президент Борис Ельцин. Разъяренная девушка окончательно вышла из себя и плюнула в сторону портрета главы государства. Далее она в отчаянии рванула вперед, пытаясь растолкать оперативников, но те удержали Евгению, скрутили и застегнули за спиной наручники. Буквально через несколько минут в кабинет полковника постучались. Гостями были трое конвоиров внутренних войск в пятнистых камуфляжах, высоких шнурованных берцах и с автоматами наперевес. Когда Казарскую выводили из кабинета начальника милиции, та, не дожидаясь, когда перед ней откроют дверь, с силой ее пнула ногой так, что хрустнул и зазвенел замок. Дверь распахнулась, ударившись о стену.

– И за ремонт еще вычту с тебя! – крикнул Евгении вдогонку полковник.

– Да пошёл ты, мудила! – напоследок бросила Пчелинцеву Казарская.

Во дворе отделения милиции Евгению уже ожидал грузовичок «ГАЗ». Девушку завели в кузов, втокнули за решетку, затем напротив нее на скамейку сел один из конвоиров. Металлическая дверь автозака захлопнулась, загудел мотор, и грузовик поехал в сторону следственного изолятора №1 по городу Санкт-Петербург, в народе больше известному как «Кресты».

Когда автозак добрался до внутреннего двора СИЗО, дверь кузова опять открыли. Евгении приказали просунуть руки в проем решетки, после чего конвоир снял с нее наручники. Теперь приказали прыгнуть из кузова вниз. Так Казарская впервые в своей жизни оказалась тут: мокрый разлинованный асфальт, десятки метров глухих кирпичных стен с крохотными зарешеченными оконцами, спирали колючей проволоки, глухой лай сторожевых собак, фигурки охранников на вышках. Девушка была окончательно сломлена: она уже не пыталась никуда бежать, она безропотно шла на заклатание. Конвоиры накинули на плечи Евгении ее джинсовую куртку, а «эскимо» отдали в руки. Далее арестантку повели по просторной асфальтовой площадке в один из корпусов. Евгения последний раз втягивала носом свежий воздух и озоновый пар, исходивший от мокрого асфальта. Последний раз она видит небо родного города, последний раз она ступает прорезиненными подметками кроссовок асфальт. В эти минуты эти простые и совсем незначительные на первый взгляд вещи, показались ей так дороги: жаль только, что раньше она этой прелести не замечала.

Дальше крыльцо, за ним разверзлись ворота ада. Евгения шагнула в сумрачные коридоры «Крестов». На нее тут же обрушилась вся их тяжелая энергетика: эти стены буквально «фонили» подобно стенам черныбыльского саркофага: вот только вместо радиации, здесь была

иная злая сила – страдание, боль, тоска, смерть. За почти что столетнюю историю «Кресты» подобно монстру ломали жизни, пожирали жизни. Теперь огромные кирпичные вампиры завладели еще одной жертвой.

Тут на Евгению опять надели наручники, повели по бесчисленному количеству коридоров, перегороженных решетками и постами охраны. Наконец, она оказалась в женском крыле. У входа в этот флигель в просторном холле с вертикальными, похожими на церковные, окнами, располагался массивный стол. Тут дежурили две женщины-сотрудницы в милицейской форме, которым на стол положили какие-то документы, после чего мужчины-конвоиры удалились. Тюремщицы с неприязнью оглядели новенькую, что-то вписали в серенькие бланки.

– Полных лет? – с металлом в голосе спросила старшина.

– Двадцать восемь.

– Хронические заболевания имеются?

– Да: близорукость и плоскостопие.

– Хм! – ухмыльнулась старшина в пилотке.

– Инвалидность?

– Пока нет. – предвкушая издевательства в застенках, ответила Казарская.

– Беременность...

– Нет.

– Туберкулез, гепатит, гонорея, сифилис, ВИЧ – что-нибудь из перечисленного есть?

– Такими вещами не болею.

– В настоящее время простудные или какие-нибудь острые заболевания и состояния наблюдаются?

– Я здорова.

– Какие-нибудь лекарственные препараты принимаешь?

– Нет

– Аллергические реакции есть?

– Нет.

– На учете в наркодиспансере или в психоневрологическом диспансере состоишь?

– Не состою.

– Вредные привычки...

– Курю.

– Наркотики? Алкоголизм?

– Нет.

– Склонность к гомосексуальному поведению?

Этот вопрос больше всего напугал Евгению, страх перед этим явлением буквально парализовал ее так, что она не смогла и звука выдать из горла.

– Ну! – торопила надзирательница. – Есть или нет?

– Я т-таким н-не за-зан-нимаюсь и-и не х-хочу! – заикаясь от ужаса, ответила Евгения. – Я д-дико и-извиняюсь – хотела было Казарская уточнить надзирательниц про женский гомосексуализм в этих камерах, но тюремщицы ее грубо оборвали:

– Здесь вопросы задаем только мы! Снимай часы, серьги, бижутерию и раздевайся полностью.

Евгения выполнила приказ.

– Это что? – спросила старшина, увидев у Казарской на шее серебряную цепочку с шестиконечной звездой Давида – подарок мамы.

– Это религиозное...

– Национальность еврейская? Ты иудейка?

– Так точно...

– Тогда в камеру к азербайджанкам и узбечкам не сажать, а то... ЧП будет. – шепнула старшина двум тюремщицам в камуфляже – те сидели на банкетке, о чем-то болтали между собой и никакого внимания на досмотр не обращали.

Сержант, что помогала старшине, обыскала вещи Казарской, затем повернулась к арестантке и прикрикнула:

– Полностью раздевайся!

– Догола? – уточнила Евгения.

– Да: догола. Цепочку снимай тоже.

Казарская подчинилась, отдав и серебряную цепочку. Девушка не была набожной иудейкой, она вообще нередко критиковала религию и все, что с ней связано. Себя же публично называла атеисткой, хотя глубоко в душе допускала существование Бога. Теперь же: эта цепочка со звездой, которую ей подарила мать, стала символом прошлой, свободной жизни. Отдав Маген Давид тюремщицам, в сердце у Евгении даже защемило: жестокая судьба отняла то, чего девушка тяготилась, но как же это больно! Оборвалась последняя ниточка!

– И носки тоже снимай! – рычала сержант.

Пришлось сделать и это, оставшись стоять босиком на холодном кафельном полу, пока надзирательницы осматривали саму Евгению, и вытаскивали шнурки из ее кроссовок и брючный ремень из джинсов.

– Теперь можно одеваться!

– А где мои шнурки? – удивилась девушка своим кроссовкам, внезапно сделавшимся подозрительно просторными.

– Шнурки, галстуки, ремни иметь здесь не положено!

Потом на запястьях Казарской вновь застегнулись браслеты наручников. Далее две девицы в камуфляже повели Евгению по очередным коридорам. Остановили возле одной из дверей, куда приказали пройти и взять матрац. Евгения неуклюже подхватила руками, скованными наручниками, более-менее не вонючий и не сильно грязный, свернутый в рулон матрац, после чего ее путь по тюремному коридору опять продолжился.

– Лицом к стене, ноги по швам! – рявкнули надзирательницы, прислонив Казарскую носом к обшарпанной стене и ударили по лодыжкам, чтобы та шире расставила ноги. Загребели ключи в замке. Тяжелая металлическая дверь в нише стены со скрипом открылась.

– Подняла матрац! Вперед! Встать спиной к двери.

Евгения шагнула за порог тюремной камеры, после чего металлическая дверь за спиной девушки захлопнулась. Опять залязгал замок, скрипнула «кормушка» – оконце в двери, через которое заключенным передают еду.

– Положила руки на полку!

Надзирательницы сняли наручники с Евгении. Затем «кормушка» захлопнулась. Новая арестантка стояла у порога камеры, держа подмышкой матрац и боясь пошелохнуться.

Глава 3

Адвокат Всеволод Лазаревич Богданович рано утром вышел из парадной своего дома на Новосмоленской набережной. Воздух был наполнен солоноватой морозной дымкой от морских ветров, надуваемых с Финского залива. Еще вчера, 9-го мая было солнечным, а утро понедельника уже одаривало город заморозками. Темно-серые тучи низко повисли мрачным полотном над Васильевским островом. Темные воды реки Смоленки рябились от надуваемых промозглых ветерков. Едва вылезшая майская травка на берегах реки покрылась инеем. В такую мерзкую погоду не то, что людям не хотелось выбираться из своих тёплых жилищ, но даже живность куда-то подевалась. Не слышно даже было привычного для Васильевского острова крика чаек.

Адвокат Богданович, кутаясь в длинный бежевый плащ, торопился быстрее шмыгнуть в метро. Примерно такие же мысли были и у других горожан, торопившихся в сторону вестибюля

станции «Приморская». Втиснувшись в двери, пройдя турникеты, Богданович спустился на платформу. Из тоннеля выехал синий электропоезд, в двери которого прямо с конечной станции ломанулись пассажиры. Всеволод проехал один перегон, на следующей станции – Василеостровской – такая же картина. Оставалось добраться только до Гостиного двора, суметь выйти из вагона, перейти забитый до отказа переход и пересечь на платформу станции «Невский проспект». От него Богдановичу нужно было проехать только один перегон до «Горьковской». Тут адвокат вышел на улицу к Кронверкскому проспекту. В близлежащем киоске он хотел купить парочку газет, но, несмотря на девятый час утра, свежей прессы почему-то не было. Богдановичу не показалось это странным: вчера было 9-е мая, а этот праздник стоит костью в горле для властей новой России. В прошлом году майские праздники СМИ никак не освещали, вот и в этом тоже самое. Всеволод достал из кармана пальто пачку импортных сигарет «Монтана», прикурил, затянувшись хорошим крепким американским табаком, и направился в сторону Петровской набережной. Пройдя сквер, Богданович оказался на площади перед флигелем дома военморov Балтийского флота – там располагалась адвокатская контора, в которой он работал. Промозглый ветер продувал открытое пространство площади, качал могучие деревья сада, где находился домик Петра Первого. Хуже всего было то, что с стальных вод Невы веяло пробирающим до костей морозцем. Подняв воротник, и, нахлобучив шляпу на лоб, Всеволод решил полубегом проскочить площадь.

У парадной, где располагалась контора уже стояло два автомобиля: тёмно-синий «Опель Вектра» и белая «Мазда». Это означало, что двое его коллег уже приехали на работу, а отсутствие тёмно-серой «Вольво 940» говорило, что шеф конторы, как всегда, опаздывал. Богданович шагнул под металлическое крыльцо, дернул ручку железной двери, сплошь обклеенной объявлениями и наклейками с названиями организаций, расквартировавшихся в этом подъезде.

На первом этаже находилось бюро по изготовлению ключей и замков, чуть подальше пункт обмена валюты, возле которого скучал пожилой охранник. Увидев адвоката, старик встал со своего места и приветственно кивнул. В этом охраннике было что-то интеллигентное, внутренне сдержанное. Говорили, что этот старик, ныне работавший охранником, раньше был офицером Балтийского флота. Нищета и развал вооруженных сил СССР сказался на Доме военморov: чтобы как-нибудь выжить и чем-то платить морякам, Балтфлоту пришлось сдать часть помещений в аренду коммерсантам. Новые хозяева куда щедрее платили, нежели командование военного флота. Так старый морской волк заделался в сторожа.

Богданович поднялся по лестнице на второй этаж. Вправо от лестницы был коридор, который вел к багетной мастерской и фотоателье. А тяжелая металлическая дверь с сигнализацией, налево от лестницы, имела табличку «Адвокаты». Всеволод позвонил в звонок. Дверь конторы отперла женщина лет сорока в клетчатой рубашке, вязаном жилете, черной юбке и туфлях на невысоком каблуке.

«Доброе утро, Ирина Ивановна!» – поздоровался с женщиной Всеволод, и затем прошел внутрь. Ирина Ивановна некогда была преподавателем марксистко-ленинской философии в университете. Драматические перемены в истории страны, безденежье вынудили кандидата наук наняться в адвокатскую контору в качестве секретаря и уборщицы.

В просторном холле конторы находился угловой кожаный диван, пару кресел, низенький журнальный столик из толстого стекла, на котором лежали какие-то глянцевого издания и брошюры с кроссвордами и гороскопами. На стене вешалка для верхней одежды, под ней галошница. Имелись также несколько дешевых репродукций картин, кадка с тропическим цветком, большой цветной календарь. Богданович прошел по узкому коридору в просторную светлую комнату, где работали адвокаты. Повесив плащ и шляпу в шкаф, Всеволод сел в крутящееся кресло за своим рабочим местом, поставил под стол дипломат. За оконными жалюзи холодно и мрачно, ветер с Невы ломится в контору, отчего старое стекло легонько потрески-

вает. Зато тут хорошо: тепло, уютно и светло. Всеволод нажал кнопку питания на системном блоке. Компьютер, стоявший на его столе, загудел, завывла и засвистела вентиляция электронной машины. Черная линза маленького экрана ожила: на ней побежали маленькие мигающие строчки каких-то странных английских слов и множество цифр. Пока компьютер загружался, Всеволод открепил от поясного ремня кожаный чехол с пейджером и начал читать сообщения. Их было немного, и это была какая-то ерунда. Богданович отложил устройство в сторону, дождался, пока на экране появилось голубое небо с логотипом «Microsoft Windows 3.1» и отобразятся ярлыки «рабочего стола», затем поднялся со своего кресла, поправил подтяжки, размял спину и плечи – неправильно сросшиеся рёбра в его тридцать пять лет частенько ныли на непогоду. Затем Всеволод направился на кухню – самое время согреться и подкрепиться.

Помещение кухни представляло собой комнату, где находился кухонный комплекс из хорошего качественного дерева с баром и нишей для телевизора, угловой бархатный диван, кресло, полированный журнальный стол. Тут уже сидели двое коллег Богдановича. Филипп Артурович Терволяйнен – мужчина лет за тридцать, со светло-русыми волосами, среднего роста, белокожий, с мясистым широким лицом, курносый носом и толстыми губами хлопотал возле кофе-машины и микроволновки. Терволяйнен был финном по национальности, занимался уголовными делами. Это его «Опель Вектра» стоит возле парадной. Филипп Артурович нарочито старался быть импозантным, выдавал себя за представителя высшего света. Эта тяга у него отмечалась еще с институтских времен, когда они с Богдановичем сидели за одной скамьей. И теперь Терволяйнен играл перед публикой, что собственно свойственно людям с профессией адвоката: белая рубашка, приталенная черная жилетка с хлястиком, галстук-бабочка, выглаженные широкие черные брюки, модные туфли с квадратным мысом.

Поздоровавшись с Всеволодом, он предложил ему кофе с молоком и купленного в переходе метро копченого цыпленка.

– Я хоть и не закидываюсь на кашруте, но как-то с детства не могу есть молочное вместе с мясным. «Не вари ягненка в молоке его матери» – гласит Тора. Спасибо, Филипп, сделай мне чашечку чёрного кофе с сахаром, но без молока. – ответил Всеволод.

– И как вы едите такую дрянь? Воняет на весь переход. И кто это все готовит? Шаромыги с Кавказа. – морщил нос от запаха цыплёнка-гриль другой адвокат, работавший в этой конторе – Моргоев Георгий Казбекович. Он был возрастом постарше, чем Филипп и Всеволод – лет сорока пяти. По национальности осетин, занимался гражданскими и имущественными делами, на чем сделал неплохое состояние. Моргоев еще с советских времен считался одним из наиболее состоятельных адвокатов Ленинграда. Имея в наличии новенькую праворульную «Мазду», которая стояла у парадной, он уже ей тяготился и планировал приобрести «немца» – «Мерседес», «Ауди» или «БМВ».

– Наверное, осетины какие-то готовили грязными руками. Развелось тут их в Питере в последнее время немерено. – Саркастично ответил Моргоеву Терволяйнен. Тот вовсе не обиделся, а даже рассмеялся, посмотрев на свое отражение в зеркале: густые темно-седые волосы, большие глаза, выступающий нос, несколько золотых зубов во рту, пузико, на котором едва застегивалась кремовая рубашка в тонкую полоску.

– Вам просто обоим давно жениться пора. А то, что вы холостяки – сразу видно: питаетесь каким-то мусором из перехода метро. Были бы жены, то они готовили вам, как мне, например. – продолжал Моргоев, демонстративно развернув свой завтрак, приготовленный женой, в котором были горячие бутерброды, вареные яйца и плитка молочного шоколада.

– А я жду, когда у нас в Ленинграде «Макдональдс», наконец, откроют. Вот ей Богу, каждое утро буду заезжать в него и брать с собой завтрак: очень хорошая вещь, говорят – и хлеб, и мясо, и сыр, и соус, и овощи. Это же полноценная и сытная еда. Тем более, обещали, что первый такой ресторан откроют то ли у метро «Невский проспект», то ли на «Петроград-

ской». – продолжал тему утренних завтраков Всеволод, заряжая ломтики хлеба для сэндвичей в тостер, и открывая банку импортного клубничного джема.

– Я бывал проездом в Москве. Там у них в центре есть свой «Макдональдс», который три года назад открыли. Вот как в 90-ом году туда очередь в три колеса стояла, так и сейчас стоит. Там плюнуть негде: некоторые по два часа в очередь на кассу стоят, а потом стоя же едят... как лошади. Те, кто успел занять столики в ресторане, тех официанты стараются побыстрее спровадить, постоянно торопят, чтобы прокрутка мест была. Так, что, Сева, встав утром в очередь «Макдоналдса», ты точно на работу не попадешь. – пересказывал Богдановичу свои впечатления от поездки в Москву Георгий Моргоев.

– Всё равно обидно. – грустно вздохнул Всеволод. – Все первое всегда им, москвичам, нас, ленинградцев, совсем забили и затоптали.

– Коммунист в буржуйский «Макдональдс» засобирался! И где это такое видано?! – иронично подметил Терволяйнен, зная, что его старинный друг с юности причислял себя к коммунистам, сохранив верность идеалам марксизма-ленинизма даже после событий Перестройки и 91-го года. – Тогда ты уже не ленинградец, Сева, а петербуржец!

– Всегда говорил «Ленинград» и, что бы ни говорили, свой родной город так и буду дальше называть. – возражал Богданович.

– Петербуржец! Петербуржец ты! – настаивал на своем Филипп. – Ведь не хочешь в «Олюшку», что на Гагаринской улице, за блинами: туда недолго добираться.

– А я и не имею ничего против «Олюшки»: хорошее заведение, оставшееся от советских времен. Как только держатся еще?! За счет иностранцев с валютой, которых туда обязательно привозят, когда те приезжают в наш город. Блины, там, кстати сказать, хорошие: с икрой мне не очень нравятся, а вот с повидлом, стуженкой, шоколадом, семгой, ветчиной и сыром – самое то! Вот только иностранцы мешают: все места забили. Чтобы попасть в «Олюшку», нужно место бронировать за месяц, а то и полтора. Да и то не факт, что директор отдаст место за более крупную сумму чертовому японцу или турку! И ехать туда далеко: на Чернышевскую, а потом переулками топать. – возмущался Богданович.

– Почему долго? От нашей конторы до метро Финляндского вокзала рукой подать, а там в метро прыгнул и проехал одну остановку. Наконец, такси, можно взять. – говорил Терволяйнен, разрезая большим кухонным ножом купленного в переходе метро цыпленка.

– Не хочу я на такси кататься! – отнекивался Всеволод.

– Всё ясно с тобой, Сева: просто ты хочешь капиталистической жарочки отведать. Или будешь отрицать? Давай: какая у тебя там еще еврейская отмаза? – спорил Филипп. Тем временем тосты были готовы, Богданович выкладывал ломтики горячего хлеба на тарелку и намазывал их клубничным джемом.

– Заметь, Филя, что он готов есть американские «гамбургеры», делая ударения на «у», комментировал Моргоев, несмотря, что там мясная котлета вместе с сыром: не кошерно получается! А? Севка? А ты в «Олюшке» блины с ветчиной и сыром любишь, заказывал? Давай, признавайся!

– Я там давно уже не был... – ответил Богданович, понимая куда клонят его коллеги.

– Это как? Опять пошли еврейские штучки, Богданович?!

– Ну было дело! И не раз! Да: я ел ветчину из свинины, да еще с молочным продуктом – сыром! – не выдержал напора Всеволод.

– Бинго! Свинина с сыром! – воскликнул Терволяйнен.

– Я не настолько религиозен, чтобы все эти тонкости соблюдать. А кофе с молоком просто не люблю.

– Так бы и сказал, что не любишь, а то начал тут нам Талмуд зачитывать. – пояснил Моргоев.

– Я это так... к слову... – оправдывался Богданович.

– Типичный ... хм... петербуржец! – заменив слово «еврей» на «петербуржец», язвил Терволайнен.

– Это потому что Романова сняли с поста градоначальника. Без него город провинцией какой-то стал. Вот были бы сейчас коммунисты у власти, то в городе-герое Ленинграде была бы доступная для жителей «Олюшка» и «Макдональдс»... а может, и сразу два «Макдональдса». – подытожил Богданович.

Рабочий день понемногу начинался. У Всеволода работы толком не было, поэтому он мог позволить себе залипнуть на просмотре телевизора на кухне. Немного погода в контору приехал шеф – Леонид Григорьевич Матвеев: мужчина лет за сорок, рослый, слегка полноватый, с вечно радушной улыбкой на лице. Несмотря на грузное телосложение в Матвееве было что-то парящее и летящее: энергия из него валила валом, он вечно шутил, балагурил, рассказывал анекдоты, а если коллеги от него уставали, то уходил в своей кабинет и трепался по телефону. Если увидеть Матвеева на улице, то вряд ли в нем можно заподозрить адвоката: он так же, как и Богданович совсем не беспокоился насчет своего имиджа, не страдал тем, чем часто страдают адвокаты – стремлением окружить себя канделябрами, завитушками в стиле барокко или антикварной коллекцией. Матвеев всегда выглядел в своей привычной манере: длинные волосы, собранные на затылке в косу, фланелевая ковбойская рубашка в клетку, рокерский джинсовый жилет с нашивками в виде логотипов любимых музыкальных групп, сапоги-казаки с массивными пряжками и металлическими вставками. Образ дополняла темно-зеленая куртка в стиле «Бундесвер», немецкое кепи, солнцезащитные очки с красным стеклом линз. Впрочем, сейчас в северной столице стояла середина мая, поэтому Матвеев пришел в контору без очков, а немецкое кепи заменила кожаная ковбойская шляпа.

После шефа на работу пришел еще один – пятый по счету адвокат конторы – Михайлов Александр Павлович. Вместе с Матвеевым они были единственными адвокатами в этой организации, которые являлись русскими по национальности. Михайлов, человек лет пятидесяти, считался в некоторой степени чудачком: немного классических костюмов эпохи застоя, по которым было заметно воздействие времени, полинявший портфель из козла, которому было лет не менее двадцати, набор перьевых ручек и промокашек – шариковыми Михайлов почему-то принципиально не пользовался. Он никогда не пользовался папками: все бумаги заворачивал в газеты или закладывал в развороты журналов, которые, к слову сказать, были тоже времен Брежнева. Работая с документацией, он любил использовать цветные карандаши, фломастеры или маркеры – Михайлов, казалось, этим злоупотреблял. Когда краска в фломастерах заканчивалась, он их не выбрасывал – разбавлял водой из-под крана или с помощью медицинской пипетки, накапывал в стержень спирт. В своем драном портфеле этот чудак носил еще одну странную вещь – раскладной нож «Белка», который любила городская шпана. Вот только Михайлов этот предмет использовал в сугубо мирных целях: точил карандаши – безопасные канцелярские точилки, также как и шариковые ручки, адвокат не признавал. Были у Александра Павловича и другие «фишки»: автомобиля он принципиально не покупал – вообще не был автолюбителем. Вместе с Богдановичем, Михайлов был единственными адвокатами этой конторы, которые оставались «безлошадными». Достоверно известно, что у него была жена и даже двое детей, однако в глаза их никто никогда не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.